

СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ И НАРРАТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЕ

Л.Э.к.Султонова¹ 

1. базовый докторант (PhD) 1-курса по специальности 10.00.06 — Сравнительное литературоведение, сопоставительное языкознание и переводоведение Наманганский государственный университет

Mas'ul muallif: Султонова
Лолахон Эркинжон кизи,
базовый докторант (PhD) 1-
курса по специальности 10.00.06
— Сравнительное
литературоведение,
сопоставительное языкознание
и переводоведение
Наманганский государственный
университет.

e-mail: lolauzdtu@gmail.com

Received: 12 Oktabr 2026

Accepted: 17 Oktabr 2026

Published: 22 Oktabr 2026

Copyright: © 2026 by the
author(s). Licensee Buxoro xalqaro
universiteti ilmiy axborotnomasi.

Iqtibos uchun: Султонова, Л. Э. к.
СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ И
НАРРАТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ
ПРОЗЕ / Л. Э. к. Султонова //
Buxoro xalqaro universiteti ilmiy
axborotnomasi. — 2026. — Т. 10,
№ 2. — В. 238–242.

Аннотация. Статья посвящена исследованию субъективного времени и нарративных искажений как взаимосвязанных способов репрезентации травматического, эмоционального и рефлексивного опыта в современной английской прозе. На материале романов Иэна Макьюэна «Искупление» (Atonement), Кадзуо Исигуро «Остаток дня» (The Remains of the Day), Джулиана Барнса «Предчувствие конца» (The Sense of an Ending) и Мартина Эмиса «Стрела времени» (Time's Arrow) рассматриваются нарушения хронологической последовательности, ретроспективная реконструкция, замедление и ускорение повествования, повтор, эллипсис, временная дистанция между событием и актом рассказывания, а также ненадёжность памяти. Доказывается, что субъективное время в современной прозе не является только формальным приёмом: оно связано с тем, как персонаж или рассказчик осмысляет прошлое, вытесняет отдельные события, переоценивает собственные решения и пытается восстановить непрерывность личной истории. Нарративное искажение при этом понимается не как простая ошибка повествователя, а как результат ограниченной перспективы и избирательной работы памяти. Особое внимание уделяется связи временной деформации с травматической памятью и процессом нарративной реконструкции.

Ключевые слова: субъективное время, нарративное время, нарративные искажения, ненадёжный рассказчик, фокализация, память, травматическая память, ретроспекция, нарративная реконструкция, современная английская проза.

ZAMONAVIY INGLIZ NASRIDA SUBYEKTIV VAQT VA NARRATIV BUZILISHLAR

Annotatsiya. Maqolada zamonaviy ingliz nasrida subyektiv vaqt va narrativ buzilishlar travmatik, hissiy hamda refleksiv tajribalarni ifodalashning o'zaro bog'liq usullari sifatida o'rganiladi. Ian McEwanning Atonement, Kazuo Ishiguroning The Remains of the Day, Julian Barnesning The Sense of an Ending va Martin Amisning Time's Arrow asarlari asosida xronologik izchillikning buzilishi, voqealarning retrospektiv qayta tiklanishi, narrativ bayonning tezlashishi va sekinlashishi, takrorlash, ellipsis, voqea sodir bo'lgan vaqt bilan uning hikoya qilinishi o'rtasidagi masofa hamda xotiraning beqarorligi tahlil qilinadi. Maqolada subyektiv vaqt shunchaki formal narrativ vosita emasligi, balki qahramon yoki hikoyachining o'tmishni qanday talqin qilishi, muayyan voqealarni bostirishi, avvalgi qarorlarini qayta baholashi va shaxsiy tarixining uzluksizligini tiklashga intilishi bilan chambarchas bog'liqligi asoslanadi. Shu nuqtayi nazardan, narrativ buzilishlar oddiy xato yoki yolg'on sifatida emas, balki cheklangan nuqtayi nazar va tanlab eslash jarayonining natijasi sifatida talqin etiladi. Tadqiqotda vaqtning deformatsiyalanishi, travmatik xotira va narrativ qayta qurish o'rtasidagi munosabatga alohida e'tibor qaratiladi.

Kalit so'zlar: subyektiv vaqt, narrativ vaqt, narrativ buzilish, ishonchsiz hikoyachi, fokalizatsiya, xotira, travmatik xotira, retrospeksiya, narrativ qayta qurish, zamonaviy ingliz nasri.

SUBJECTIVE TIME AND NARRATIVE DISTORTIONS IN CONTEMPORARY ENGLISH PROSE

Abstract. The article examines subjective time and narrative distortion as interrelated modes of representing traumatic, emotional, and reflective experience in contemporary English prose. Drawing on Ian McEwan's Atonement, Kazuo Ishiguro's The Remains of the Day, Julian Barnes's The Sense of an Ending, and Martin Amis's Time's Arrow, the study analyses disruptions of chronology, retrospective reconstruction, narrative acceleration and deceleration, repetition, ellipsis, the temporal distance between an event and the act of narration, and the instability of memory. The article argues that subjective time is not merely a formal narrative device: it is closely connected with the ways in which a character or narrator interprets the past, suppresses particular events, reassesses previous decisions, and attempts to restore continuity to personal history. Narrative distortion is therefore understood not simply as an error or lie, but as a

consequence of limited perspective and selective memory. Particular attention is paid to the relationship between temporal deformation, traumatic memory, and narrative reconstruction.

Keywords: subjective time, narrative time, narrative distortion, unreliable narrator, focalization, memory, traumatic memory, retrospection, narrative reconstruction, contemporary English prose.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о времени занимает центральное место в теории повествования, поскольку любое событие в художественном тексте существует одновременно на нескольких уровнях: как событие изображаемого мира, как объект памяти персонажа и как элемент уже организованной автором повествовательной структуры. В этом смысле литературное время не совпадает с физическим временем. Оно может растягиваться, сокращаться, возвращаться назад, прерываться и повторяться. Это различие восходит к бахтинскому понятию хронотопа как существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [1]. Ж. Женетт, разграничивая время истории и время повествования, показывает, что повествовательная форма создаёт особую систему отношений между последовательностью событий, длительностью их изложения и частотностью их повторного представления [2]. Такое разграничение особенно продуктивно для анализа современной прозы, в которой субъективное восприятие времени нередко становится одним из главных способов характеристики сознания. Проблема субъективного времени приобретает особую значимость в текстах, обращённых к памяти, вине, утрате и травматическому опыту. Прошлое в них не представлено как завершённый и доступный непосредственному воспроизведению факт. Оно возвращается через фрагменты воспоминаний, пропуски, повторения, переосмысления и противоречия. П. Рикёр связывает повествование с самой структурой человеческого временного опыта: время получает человеческую форму тогда, когда становится предметом нарративной организации [3]. Следовательно, повествование не просто сообщает о событиях, произошедших во времени, но и моделирует способы, посредством которых субъект переживает и понимает временность. Для современной английской прозы характерно усиление внимания к расхождению между хронологическим порядком событий и порядком их осмысления. Проблемы темпоральности, сюжета и композиционной динамики рассматриваются в современной нарратологии как взаимосвязанные [14]. Модернистская и постмодернистская литература широко использует временно перестроенные сюжеты, заставляя читателя самостоятельно реконструировать исходную последовательность. Современный роман наследует эту традицию, однако связывает временную деформацию не только с формальным экспериментом, но и с проблемой субъективности. В романах Иэна Макьюэна, Кадзуо Исигуро, Джулиана Барнса и Мартина Эмиса время становится способом показать неполноту знания персонажа о самом себе и о собственном прошлом.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении способов репрезентации субъективного времени и нарративных искажений в современной английской прозе, а также в определении их роли в формировании памяти и нарративной реконструкции. Для достижения поставленной цели используются методы нарратологического, сравнительно-сопоставительного и текстуального анализа. Материалом исследования являются романы *Atonement* [13], *The Remains of the Day* [11], *The Sense of an Ending* [7] и *Time's Arrow* [6]. Выбор этих произведений обусловлен тем, что в каждом из них временная организация повествования тесно связана с ограниченностью перспективы, памятью и пересмотром прошлого.

Субъективное время как категория нарратологии. В повседневном сознании время обычно воспринимается как последовательность: прошлое предшествует настоящему, настоящее сменяется будущим. Художественное повествование не обязано сохранять такую последовательность. Уже сам акт рассказа предполагает двойную временную структуру: есть время, когда происходят события, и время, когда они рассказываются. Женетт обозначает основные отношения между ними категориями порядка, длительности и частотности [2]. Нарушение порядка возникает, например, тогда, когда повествование сначала сообщает о более позднем событии, а затем возвращается к его причинам. Такая ретроспекция может выполнять не только композиционную, но и психологическую функцию. Особенно важным является различие между объективной последовательностью событий и субъективной последовательностью их переживания. Человек вспоминает не по календарю. Одно воспоминание вызывает другое; эмоционально значимое событие может занимать в сознании больше времени, чем годы обычной жизни. Поэтому субъективное время характеризуется неравномерностью. В повествовании эта неравномерность получает формальное выражение через замедление, ускорение, паузы, пропуски и повторные рассказы. Рикёр подчёркивает, что нарратив соединяет разнородные временные измерения и превращает их в осмысленную конфигурацию [3]. Сходная мысль прослеживается в исследованиях Вирджинии Вулф и модернистской традиции. Внутреннее время сознания, или «время в уме», становится самостоятельным предметом художественного изображения. Для последующей английской прозы принципиально важно то, что субъективное время может быть представлено не только через поток сознания. Оно может проявляться в грамматическом времени, в выборе точки зрения, в характере воспоминаний и в самой структуре сюжета. В современной прозе субъективность времени часто связана с ненадёжностью нарратора. В. Бут определял ненадёжность через несоответствие между нормами автора и оценками повествовательного голоса [8]. Позднейшие исследования уточнили, что ненадёжность может возникать вследствие ограниченного знания, самообмана, когнитивных ошибок или несогласованности между различными уровнями текста. Д. Кон, например, показывает, что даже повествование от третьего лица может демонстрировать расхождение между голосом рассказчика и перспективой персонажа [9]. Таким образом, субъективное время и нарративная ненадёжность

пересекаются в точке, где память перестаёт быть прозрачным доступом к прошлому. Проблема ненадёжного повествования подробно рассмотрена в русскоязычной нарратологии В. Шмидом [5].

Роман Изна Макьюэна *Atonement* является показательным примером того, как временная организация повествования превращается в механизм реконструкции прошлого. В первой части романа события представлены через ограниченную перспективу Брайони, чей возраст, воображение и стремление придать окружающей действительности сюжетную форму определяют её интерпретацию происходящего. Её восприятие не совпадает с полнотой событийного мира. Поэтому уже на уровне ранней повествовательной организации возникает разрыв между тем, что произошло, и тем, как это было понято. Особенность *Atonement* заключается в том, что значение ранних сцен меняется после получения читателем дополнительной информации. Хронологический порядок событий формально не всегда разрушен, однако смысловая последовательность нарушается: позднейшее знание заставляет пересматривать раннее. Х. Марш отмечает, что ненадёжность и неопределённость являются центральными характеристиками романа и что текст требует повторного чтения в свете финального раскрытия [12]. Такая структура показывает, что нарративное искажение может возникать не только из прямого ложного сообщения, но и из преждевременной интерпретации. Субъективное время в романе связано с различием между временем события и временем воспоминания. Повзрослевшая Брайони обращается к прошлому уже из другой исторической и психологической позиции. Прошедшие годы не устраняют событие; напротив, они превращают его в объект постоянного переосмысления. Память становится не архивом, а процессом. Поэтому поздняя реконструкция прошлого содержит элементы исправления, оправдания и художественной компенсации. В данном случае нарративная реконструкция выполняет двойную функцию: она пытается восстановить утраченную связь между событиями и одновременно показывает невозможность полностью восстановить прошлое. Показательно, что Макьюэн связывает временную деформацию с метанарративным осмыслением самого акта письма. Рассказ становится способом создать такую версию прошлого, в которой причинно-следственные связи кажутся более ясными, чем они были для участников событий. Исследовательский анализ романа указывает, что подобная организация требует от читателя сопоставления различных перспектив и обнаружения несоответствий между ними [12]. Следовательно, временное искажение становится частью этической проблемы текста: может ли художественная реконструкция компенсировать последствия ошибочного восприятия? Роман не даёт простого ответа, но показывает, что стремление упорядочить прошлое само по себе является психологически значимым действием.

Ретроспективная память в романе Кадзуо Исигуро «Остаток дня». Роман Исигуро построен вокруг поездки Стивенса, но пространственное движение героя одновременно является движением по собственной памяти. Настоящее занимает небольшой отрезок времени, тогда как рассказ постепенно охватывает годы службы в Дарлингтон-холле. Такая композиция сразу создаёт двойную временную перспективу: читатель находится в настоящем героя и одновременно постоянно возвращается вместе с ним в прошлое. Особенность Стивенса состоит в том, что он не просто вспоминает, а комментирует собственные воспоминания. Его речь стремится к точности, но эта демонстративная точность сама становится частью нарративной проблемы. Исследования К. Уолл и З. Фоноковой показывают, что ненадёжность Стивенса связана прежде всего с ограничением его интерпретации, а не с постоянной фактической ложью [15; 10]. Память и нарратив как взаимосвязанные механизмы осмысления жизненного опыта Стивенса рассматривает также Т. Л. Селитрина [4]. Иными словами, герой может сообщить событие достаточно подробно и одновременно не понимать его значения. Это различие между фактом и его смыслом существенно для понятия субъективного времени. Смерть отца, отношения с мисс Кентон и политическая деятельность лорда Дарлингтона представлены не как законченные эпизоды биографии. Их значение постепенно изменяется по мере продвижения рассказа. Временная дистанция позволяет Стивенсу увидеть некоторые последствия, но не превращает его в полностью объективного наблюдателя. Особенно заметен механизм запаздывания понимания. В прошлом Стивенс оценивает происходящее через профессиональные категории — достоинство, долг, самообладание, верность хозяину. Позднее те же события начинают выглядеть иначе. Однако изменение оценки не сопровождается полным отказом от прежней системы ценностей. Поэтому повествование сохраняет внутреннее напряжение: герой уже способен заметить утрату, но ещё не способен до конца назвать её. Именно здесь субъективное время соприкасается с травматической памятью. Травматическим оказывается не только политический опыт, но и личная невозможность вовремя осознать то, что было потеряно. Прошлое возвращается в виде эпизодов, которые требуют нового толкования. Молчание Стивенса поэтому нельзя считать простым отсутствием информации. Оно показывает границу его способности к самоописанию. Таким образом, модель Исигуро можно определить как ретроспективно-компенсаторную. Рассказ стремится восполнить то, что не было проговорено в момент события, но компенсация остаётся неполной. Временная дистанция открывает доступ к прошлому, однако одновременно показывает ограниченность субъекта, который пытается это прошлое объяснить.

Память как источник временного искажения в *The Sense of an Ending*. В романе Джулиана Барнса *The Sense of an Ending* проблема субъективного времени приобретает форму конфликта между памятью и фактом. Тони Уэбстер рассказывает историю собственной молодости из позиции человека, который убеждён, что достаточно хорошо понимает прошлое. Однако по мере развития повествования эта уверенность разрушается. Новые сведения заставляют героя возвращаться к уже известным эпизодам и обнаруживать, что его первоначальная версия была неполной. Важнейшим элементом текста является различие между событием и памятью о событии.

Барнс показывает, что память не сохраняет прошлое в неизменном виде. Она отбирает, сокращает, перестраивает и иногда подменяет причинные связи. Это соответствует более широкому нарратологическому представлению о том, что ретроспективный рассказ неизбежно является интерпретацией. В результате временная дистанция не делает рассказ автоматически объективным; наоборот, она может увеличивать разрыв между первоначальным опытом и позднейшим объяснением. В этом романе особенно заметен механизм повторной реконструкции. Один и тот же период жизни существует в нескольких временных версиях: как непосредственный опыт молодого человека, как воспоминание зрелого героя и как новое понимание после получения дополнительных сведений. Каждая версия изменяет предыдущую. Поэтому субъективное время приобретает спиралевидную структуру: рассказ возвращается к прошлому, но никогда не возвращается к нему с той же точки зрения. Такая модель позволяет связать временную деформацию с понятием нарративной ответственности. Если личная история строится из отобранных воспоминаний, то изменение интерпретации прошлого означает изменение самоописания субъекта. Герой вынужден не только вспоминать, но и пересматривать собственную роль в событиях. В этом смысле память становится не фоном сюжета, а его структурным принципом.

Радикальная инверсия времени в *Time's Arrow*. Если в *Atonement*, *The Remains of the Day* и *The Sense of an Ending* временная деформация возникает прежде всего на уровне памяти и ретроспективного рассказа, то в романе Мартина Эмиса *Time's Arrow* она приобретает экспериментальную форму. События представлены в обратной последовательности, вследствие чего причинно-следственные отношения оказываются перевёрнутыми. Этот приём заставляет читателя воспринимать привычные действия как незнакомые и постепенно реконструировать их истинный смысл. Инверсия времени выполняет здесь не только формальную функцию. Она создаёт дистанцию между видимой последовательностью и историческим знанием читателя. То, что при обычном порядке повествования было бы очевидным, становится непонятным или даже интерпретируется противоположным образом. В результате читатель оказывается в положении сознания, которое пытается придать смысл нарушенной временной логике.

С точки зрения Женетта, такой текст демонстрирует возможность расхождения между порядком истории и порядком дискурса [2]. С точки зрения Рикёра, он показывает, насколько важна для человеческого понимания времени причинная и сюжетная конфигурация [3]. Пока события расположены в обратном направлении, читатель лишён привычной структуры ожидания. Возникает своеобразная «обратная» темпоральность, которая делает сам механизм нарративного понимания видимым. Особенно важно, что нарушение времени меняет этическое восприятие событий. Читатель сначала сталкивается с результатами, а затем постепенно приближается к причинам. Таким образом, композиция препятствует автоматическому потреблению сюжета и требует активной реконструкции. Нарративное искажение здесь не является недостатком текста; напротив, оно становится условием критического чтения.

Основные типы нарративных искажений. Сопоставление рассмотренных произведений позволяет выделить несколько взаимосвязанных типов нарративных искажений. Один из них хронологическое искажение, при котором порядок представления событий не совпадает с их последовательностью в истории. К нему относятся ретроспекции, проспекции и более сложные перестановки. Второй тип — психологическое искажение, возникающее вследствие ограниченной способности персонажа понимать собственный опыт. Следующий тип — мемориальное искажение, при котором воспоминание изменяет структуру прошлого. Четвёртый тип — интерпретационное искажение: событие может быть передано относительно точно, но его значение определяется ошибочной или неполной интерпретацией. Следующий тип можно обозначить как этическое искажение. Оно возникает тогда, когда повествователь стремится представить собственные решения в более приемлемом свете. Такой механизм особенно заметен у Стивенса в *The Remains of the Day* и у Тони Уэбстера в *The Sense of an Ending*. В обоих случаях рассказчик создаёт последовательную историю о себе, но эта последовательность оказывается результатом отбора. Тем самым современная проза демонстрирует: наиболее существенное искажение может происходить не на уровне фактов, а на уровне их причинного и морального связывания. Наконец, существует формальное или экспериментальное искажение, представленное наиболее очевидно в *Time's Arrow*. Оно нарушает саму привычную направленность времени. Однако даже в этом случае формальный эксперимент связан с субъективностью восприятия: читателю приходится приспосабливать собственные когнитивные модели к необычной структуре текста. Следовательно, разные типы нарративных искажений объединяет одно: они заставляют читателя осознать, что повествование не является нейтральным зеркалом событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ показывает, что субъективное время является одной из ключевых категорий современной английской прозы, особенно в произведениях, ориентированных на память, вину, личную ответственность и реконструкцию прошлого. Нарушение хронологической последовательности, ретроспекция, временные паузы, эллипсис, повтор и инверсия выполняют не только композиционную функцию, но и моделируют различия между событием, его непосредственным переживанием и позднейшим рассказом о нём. Таким образом, нарративное искажение следует понимать не только как отклонение от объективной последовательности. Оно является способом показать ограниченность человеческого знания и избирательность памяти. Субъективное время превращает прошлое из завершённого набора фактов в постоянно переосмысливаемую структуру. Именно поэтому временная организация современной прозы тесно связана с

проблемой ненадёжного повествования: читатель должен не просто следить за событиями, но и определять, каким образом и почему эти события были превращены в историю.

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется более подробное сопоставление субъективного времени с поэтикой травматической памяти и нарративной реконструкции в английской и русской литературе. Такое сопоставление позволит выявить, каким образом различные литературные традиции используют временную деформацию для репрезентации молчания, вытеснения, вины и попытки восстановить личную или коллективную целостность.

Список использованной литературы

- [1] Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва : Художественная литература, 1975. С. 234–407.
- [2] Женетт Ж. Дискурс повествования // Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.
- [3] Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. 313 с.
- [4] Селитрина Т. Л. Память и нарратив в романе К. Исигуро «Остаток дня» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 125–134. DOI: 10.17072/2037-6681-2018-4-125-134.
- [5] Шмид В. Нарратология. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- [6] Amis M. Time's Arrow, or The Nature of the Offence. London : Jonathan Cape, 1991. 165 p.
- [7] Barnes J. The Sense of an Ending. London : Jonathan Cape, 2011. 150 p.
- [8] Booth W. C. The Rhetoric of Fiction. Chicago : University of Chicago Press, 1961. 455 p.
- [9] Cohn D. Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. Princeton : Princeton University Press, 1978. 344 p.
- [10] Fonioková Z. The butler's suspicious dignity: unreliable narration in Kazuo Ishiguro's The Remains of the Day // Brno Studies in English. 2006. Vol. 32, no. 1. P. 87–98.
- [11] Ishiguro K. The Remains of the Day. London : Faber and Faber, 1989. 245 p.
- [12] Marsh H. Narrative unreliability and metarepresentation in Ian McEwan's Atonement; or, why Robbie might be guilty and why nobody seems to notice // Textual Practice. 2018. Vol. 32, no. 8. P. 1325–1343. DOI: 10.1080/0950236X.2016.1276955.
- [13] McEwan I. Atonement. London : Jonathan Cape, 2001. 371 p.
- [14] Narrative Dynamics: Essays on Time, Plot, Closure, and Frames / ed. by B. Richardson. Columbus : Ohio State University Press, 2002. 350 p.
- [15] Wall K. The Remains of the Day and its challenges to theories of unreliable narration // Journal of Narrative Technique. 1994. Vol. 24, no. 1. P. 18–42.